

УДК 1(091)

А.В. Миронов, канд. филос. наук, доцент

Севастопольского национального технического университета,

Студгородок, г. Севастополь, Украина, 99053

E-mail: root@sevgtu.sebastopol.ua

СИСТЕМА МОРАЛЬНЫХ ВЗГЛЯДОВ И.А. ИЛЬИНА

Рассматривается моральная философия И.А. Ильина в контексте русской религиозной мысли.

Переход от философии к политике – шаг от предлагаемой системы ценностей и ее обоснований к отстаиванию и утверждению этих идей на практике. В таких случаях жанр философского анализа во многом заменяется публицистикой и предполагается в качестве главной проблемы оценка текущих событий и степень их воздействия на жизнь отдельно взятого человека, общества, государства. Переломные ситуации в истории реанимируют публицистический жанр, если он находился в забвении, придают ему новое звучание, снимают обвинения в легковесности. Если периоды стабильности отмечались вниманием к философии, как системе, охватывающей все временные ипостаси: прошлое, настоящее, будущее с проекцией в вечность, то время кризиса, в силу накала борьбы, непрочности человеческого бытия, меняет акценты на сиюминутное. Мир индивида делится на «до» и «после». Вместе с экономикой, политикой, социальными отношениями он вынужден перестраиваться, вырабатывать новые ориентиры, задачи, средства их реализации. То, что казалось нерушимым и фундаментальным, исчезает, результаты достигнутого нуждаются в пересмотре. Необходимо дать адекватный ответ настоящему.

Автору статьи представляется интересным рассмотреть систему И.А. Ильина как вхождение профессиональной философии в актуальную тематику. Обращает внимание спорность предлагаемых положений, время написания, созвучность многих идей с днем сегодняшним.

Революция, гражданская война, эмиграция, Вторая мировая война – вехи истории XX века, и в такой же степени – вехи биографии И.А. Ильина. Учеба в Московском университете, подготовка к магистерской диссертации, публикация произведений – традиционный путь ученого в условиях стабильности и порядка. Тематика книг говорит сама за себя: «Философия Гегеля как учение о конкретности Бога и человека», «Учение Шеллинга об Абсолютном», «Идея общей воли у Жан-Жака Руссо». Направленность, свойственная классической западной философии. Главная задача: вхождение в контекст европейской культуры, предъявление умений и навыков анализа и систематизации категориального аппарата, навыки использования философского инструментария. Обращение к немецкой классической фи-

лософии как общепризнанной системе повышает планку интеллектуальных требований, но не изменяет сущности содержания. Подобный подход гарантировал общественное и профессиональное признание. Удаленность от социальных конфликтов, перипетий политической борьбы была запрограммирована благоговением перед философским знанием как воплощением человеческого духа и последовательно очищалась от вторжения действительности, которая, если и допускалась, то только в виде сложных абстракций и отвлеченных идей. Потрясения, произошедшие в России, нарушили не только мерный ход государства и общества, но и поставили под вопрос правомерность изоляции философии от событий, волнующих большинство образованного населения.

Оказавшись в эмиграции, русское философское сообщество разделилось. Большинство мыслителей продолжило линию собственного творчества, начатую в России, усложнив ее, как Л. Шестов, апокалиптикой и эсхатологическими представлениями в произведениях «Киркегард и экзистенциальная философия», «Умозрение и откровение: религиозная философия Владимира Соловьева и другие опыты», «Афины и Иерусалим: опыт религиозной философии»; как Н.А. Бердяев – в произведениях «Философия свободного духа», «О назначении человека», «Опыт эсхатологической метафизики». Другие устремились от философской тематики, по личным причинам обратившись к богословию: о. Сергей Булгаков в трилогии «О Богочеловечестве»; о. Георгий Флоровский в произведениях «Восточные отцы церкви», «Пути русского богословия»; Л.П. Карсавин в сочинениях «Философия истории», «О началах».

1925 год ознаменовался выходом книги И.А. Ильина «О сопротивлении злу силою». В этом произведении обозначился сдвиг интересов мыслителя. Он предлагает мировоззренческое обоснование борьбы со злом. Прошло всего три года как он выслан из России, где несколько раз арестовывался, сидел в тюрьме, находился на грани жизни и смерти. Прежний уклад разрушен, прерваны сложившиеся отношения, профессиональная деятельность приняла смутные очертания. И первое общественное предъявление не содержит даже намека на политические реалии. Библиографические ссылки содержат евангельскую и апостольскую литературу, сочинения по русской истории, иезуитские тексты, посвященные проблемам морали. Никаких иллюстраций и примеров, обезличенность понятий «злодей», «злостное насилие», схемы, классификации. Эмиграция в это время обсуждает нашумевшую книгу С.П. Мельгунова «Красный террор в России». Позиция Ильина кажется более чем странной. Рассуждения о сопротивлении не получают направленности, в них отсутствует гражданская убежденность. Развенчание кумира (Л.Н. Толстого) может показаться несвоевременным большинству читающей публики.

Личность для Ильина – точка отсчета. Ее право должно освящаться христианской догматикой. Сила воли, «благое самозаставление», «понуждение и пресечение» опираются на нашу способность к добру, к его воплощению и прославлению делами. Религиозное «безволие» и «духовное безразличие» – причина бедствий, открывающая двери злу в любой его форме. Церковь и ее ценности способны закалить индивида, придать ему пафос борьбы, ограничить своеволие, решиться на самопожертвование. «Духовная любовь, владея источником истинного, боголюбивого человеколюбия ведаёт цену и соблазны сентиментальной гуманности, не обольщается ею. Она не измеряет усовершенствования человеческой жизни довольством отдельных людей или счастьем человеческой массы, ей ведомы все духовные опасности, связанные с наличностью земного наслаждения и все духовное значение его утраты» [1, с. 77]. Понимая сложность поставленных вопросов, Ильин сознательно дистанцируется от политики, предпочитая решать проблему моральных и религиозных санкций относительно поступка, продиктованного желанием борьбы со злом. Возможно, неформальность политической платформы, сомнения, свойственные русской интеллигенции, не позволили на этом этапе сформулировать положения, связанные с конкретикой действий военных и гражданских организаций из белой эмиграции, но сконструировали систему четких предписаний поведения личности, обосновав ее религиозным опытом поколений.

Ниспровержение кумиров – задача нелегкая, тем более когда в качестве объекта критика выбирается исполинская фигура Л.Н. Толстого и его учение. На протяжении нескольких десятков лет он выступал «учителем жизни» для тысяч людей, его книги «Исповедь», «Не могу молчать», «В чем моя вера» стали катехизисом существования, с ними сверяли помыслы, поступки, направленность действий. Его слово заставляло менять привычный уклад, выбирать профессию, среду обитания, перестраивать социальные и семейные отношения. Особое место в его проповедях занимает вопрос о «непротавлении злу насилием», он отказывает личности в праве адекватного ответа на насилие, чуждое и разрушительное влияние, навязывание несвойственного образа жизни. Обоснованием выступает христианская догматика, где акцент делается на покорности и буквально понятием смирения перед любым злом, выступающем как нечто внешнее по отношению к индивиду. Соплатиться со злом – лучше, чем ему противостоять. «Учение о непротавлении злу насилием не есть какой-либо новый закон, а есть только указание на неправильно допускаемое людьми отступление от закона любви, есть только указание на то, что всякое допущение насилия против ближнего, во имя ли возмездия и предполагаемого избавления себя или ближнего от зла, несовместимо с любовью» [2, с. 178]. Эта проблема соприкасается с не менее актуальной: поддержка государства, его начина-

ний, борьбы с разрушающим началом. Л.Н. Толстой не признает патриотизм в качестве моральной ценности, предлагает отмежеваться от социальной системы, как порочной, лживой безнравственной. Одобрение, служение, гордость находятся в другой сфере, враждебной человеческому развитию. Таким образом, квиетизм становится единственной формой существования, сознательно изолирующей личность от общественных вопросов, особенно остро проявляющихся в моменты потрясений и кризисов. И.А. Ильин не случайно возвращается к этой теме.

Дискуссии вокруг учения Л.Н. Толстого пронизывали русское общество и ранее, жестко делили на принимающих и отвергающих, но всегда оставляли ощущение незавершенности. Исторический момент не позволяет обойти этот вопрос. Накал страстей, материализовавший зло, диктующее свою волю, принцип силы как оправдание содеянного становятся определяющими факторами. Борьба духовная, присущая мыслящему человеку, как неприятие чуждого или навязанного перерастает в борьбу за родных, близких и дальних, ставя перед собой задачу уберечь, а значит нейтрализовать порочное влияние. Социальный мир инициирует зло, значит нужно научиться его определять, понимать возможности его воздействия, выработать средства противостояния, используя традиции православной церкви и не предаваясь слепой вере в авторитеты, какими бы значимыми они ни казались. Построение своей теории Ильин связывает с гражданским долгом перед Родиной и соотечественниками, освобождая их от псевдоиллюзий прошлого, раскрепощая волю, формируя готовность встретить зло во всеоружии.

В книге «О сопротивлении злу силою» соприкасаются три позиции: христианская ортодоксия, толстовство и философская аргументация И.А. Ильина. Критической оценке подвергается близкая русской интеллигенции идея о мирном сосуществовании в обществе, о потакании безволия, о неверном межевании добра и зла. Непротивление злу значит для него принятие зла. Наивно-идиллический взгляд на человеческое существо опасен своими последствиями. Духовный мир существует в двух полюсах, тяготение к одному или другому определяет поступки, отношение к окружающим, представление самого себя вовне. Зло – «противодуховная вражда и слепая сила ненависти» [1, с. 15]. Разрушив его, человек имеет возможность продемонстрировать лучшее, сохранив, вынужден постоянно соприкасаться и наполняться ядом, им порождаемым. Не замечать, объявлять нейтралитет недопустимо. И сразу встает вопрос о насилии: его границах, носителе, оценке личностной и общественной.

В мировой культуре оформились две позиции: вольтеррианство и масонство. Первая предлагает изменить социальный строй, законы, формы правления, отношение к собственности, вторая – обратить внимание на себя, изжить пороки, совершенствоваться в добродетелях. На основе вто-

рой Л.Н. Толстой создает свое учение, предостерегая от навязывания, принуждения. Занимаясь собой, человек уже выполнил свой долг. Ильин видит в подобном неприкрытый эгоцентризм, оставление мира в угоду душевному псевдоспокойствию. Когда человек пытается защититься от хаоса, анархии, произвола, тогда и утверждается позитивное «я». Бегство равно капитуляции, покиданию и оставлению других в беде, потворство деструкции, соучастие в преступлении. Индивид несет ответственность и за других. Позиции не взаимоисключительны. Борьба ведется в двух направлениях: с недостатками общества, государства и со своими личными ошибками. Осознание несовершенства заставляет быть более объективным, беспристрастным, повышать нравственную планку, трудиться над преодолением. Проекция личности отражается в социальной действительности. Возникает возможность взаимовоспитания, большого единения, через которое преобразуется и общее пространство, то есть государство.

По Ильину, самопонижение есть средство развития, выход из животной среды, стимул всех достижений. Это то же самое насилие, только направленное на себя и во имя великих целей. Преодоление физической и духовной лени, бесхарактерности, нравственной индифферентности заставляет изменять сложившиеся стереотипы, пробуждает душевное движение, отслеживает недостойное. Индивид определяется с личными перспективами, выбирает приоритеты и настраивает в соответствии с ними механизм самопринуждения. Но во многих случаях люди ощущают на себе психологическое давление и «предосудительное заставление», «злую человеческую волю». Как, оставаясь христианином и принимая духовную составляющую религии, сопротивляться злу посредством «физического понуждения и пресечения»? Рационалистическая этика четко трактует: принцип самосохранения должен защищаться системой, которой гражданин вручает свои права. У Мартина Лютера, основателя протестантизма, прямолинейно выражено положение: дело войны – «дело превосходное и божественное». Ильин не уповает на аксиоматику, ему необходимо довести до «сердца» человека, что со злом нужно бороться.

Искушение, прельщение недостойным, игра на слабостях, санкционирование недопустимого, физическое посягательство – формы зла вариативны. Общее заключается в том, что человек перестает восприниматься ценностью, в лучшем случае – средством для удовлетворения чужих интересов. Политические партии, власть оформляют зло в общедоступные лозунги: «Грабь награбленное», «Бей буржуев», «Долой опиум для народа», «Да здравствует гражданская война». Не труд, а разбой; не любовь, а ненависть, разрушительное в человеке не осуждается, а одобряется. Насилие действует наступательно, не ограничивая себя гуманными принципами. Не столь важно, какими манифестами оправдываются поступки, они противоречат и хри-

стианским, и человеческим заповедям. Не осознав добро, как высшее начало, индивид ничего не может противопоставить злу. Утверждая добро, проникаясь им, человек постепенно вытесняет зло из себя, отодвигая за пределы личности и далее, то есть, создается пространство, в котором волевым актом пресечено его распространение. Рассматривать зло как слабость, заблуждение, ошибку опасно. Тем самым принижается потенциальная угроза.

Магнетизм, притягательность зла подчеркивали такие русские писатели и мыслители, как Ф.М. Достоевский и В.С. Соловьев. Принятие его – это реализм в политике, морали, социальных связях и в такой же мере данная ситуация дает противостоять ему. Иначе она получает молчаливую санкцию на распространение. Ильину чужд путь моралиста, напуганного собственным несовершенством и поэтому отказывающегося от нравственной оценки («каждый управляет собой и только собой» [3, с. 37]). Опрошение, предложенное Л.Н. Толстым, выводит человека за пределы социального мира, снимает ответственность за происходящее в нем. Отказавшись от благ цивилизации, вместе с ними вычеркиваются и все государственные институты: органы контроля, армия, суд. У толстовца возникает чувство превосходства над неправильно живущими, рождается право на неприятие, мир отвергается, как средоточие раздора, вражды и эгоизма. Зло не исчезает, оно торжествует, устанавливая свои порядки, свою шкалу ценностей, свои поведенческие формы.

Борьба со злом не должна восприниматься как самоцель, она имеет иное оправдание по Ильину. Воздействие на человека силой, чтобы добиться личного интереса, недопустимо – произойдет подмена мотивации. Корыстный стимул вызывает еще более сильное противодействие. Христианин ведет борьбу с носителями зла не как с личными врагами, врагами Божьими, нарушающими самолично не только запреты, но и сами основы мирского существования. «Побеждает зло тот, кто превращает его в добро» [1, с. 68]. Свобода воли – это не только фундаментальный принцип христианства, в такой же степени можно его распространить и на светские отношения. Право выбора, дарованное Богом и обществом, возвышает человека, акцентирует его свободу, допускает личное мнение и использование различных средств для достижения целей. Даже поборов зло в себе, индивид вынужден с ним соприкасаться в действительности. Любое активное проявление «темной силы» создает серьезную проблему, переходящую из сферы умозрительного в практическую. Необходимо оценить, а потом действовать. Не сопротивляясь злу, человек оказывает ему явную поддержку. Не встречая препятствий, барьеров оно разрастается и начинает навязывать свою волю, не допуская иных толкований. Все непохожее, не подпадающее под эти стандарты, высмеивается, критикуется, а потом уничтожается (психологически или физически). Зло обладает отличительной характеристикой: наступательность. До-

брота воспринимается как слабость, прощение, как несостоятельность, приличие как чуждое. При вторжении в человеческую жизнь не обращается внимание на уклад, обычаи, традиции, свойственную культуру. Агрессивный диктат и «лукавство» – наиболее приемлемые для индивида формы действия. При иных обстоятельствах они видоизменяются под ситуации, улавливаются изменившиеся условия, порождая относительность моральных принципов. Релятивные утверждения оказываются не способными выступить достойными контраргументами этому наступлению, только четкие фундаментальные моральные положения в состоянии остановить зло и бороться с ним. Совесть, достоинство, честь, искренность, патриотизм, правота перед лицом Божиим имеют внутреннюю силу отделить правое от неправого, вынести вердикт и не искать обходных путей. Ложь, выраженная в любых лозунгах, расшифровывается и получает должную оценку.

Ильин, как религиозный мыслитель, пытается решить проблему зла в рамках церковного учения и в последующем перенести ответы в пространство общества и государства. Без первого невозможно второе, так как Россия и большинство его соотечественников, столкнувшихся с наступающим злом, – христиане. Укоренившиеся представления о всепрощении, смирении, страдании не позволяют допустить активных мер к нарушителям добра, ищут оправдания их поступков. Лейтмотив его рассуждений: Христос не призывает любить врагов Божьих (Библия, Мтор XI. 21-24, Мрк XII. 38-40, Лука XI. 39-52). Когда ссылаются на известное евангельское изречение: «Любите врагов ваших», то контекст его воспринимается в рамках личного. Способность не ответить обидой на обиду, подавить тщеславие и честолюбие, смирить гордыню, не затаить в душе вражды и ненависти – ущемление интересов касается только одного отдельно взятого человека, его душевных переживаний и чаяний. Внутренняя работа позволяет преодолеть раздор на уровне житейского и бытового, попытаться найти компромисс, уравнивать себя и другого и через это снять противоречие, допуская собственное несовершенство быть терпимым к чужим слабостям и недостаткам. Но Ильин не допускает потакания вопиющему своеволию, разрушающему не только ценности другого, а затрагивающие десятки и сотни людей. Сила способна остановить грешника от задуманного, от воплощения своего замысла, тем самым уберечь и его душу от непоправимого. Если на уровне личного человек сам должен принимать решения, то в случае общественной опасности государство должно воспользоваться своим правом при поддержке церкви, как контролирующего нравственного начала.

Обличение неправды русскими святыми, участие священнослужителей в войнах (св. Сергей Радонежский благословил на ратный подвиг монахов Осляби и Пересвета в Куликовской битве), институт военных свя-

щенников в армии – показатель того, что церковь никогда не устремлялась от противодействия как духовному, так и материальному злу. Ильин связывает воедино религиозную и патриотическую направленность, идентифицирует нравственность в этих границах. В зависимости от позиции, принятой относительно данных начал рассматриваются обязанности личности, ее духовный уровень и опыт. Участие в войне – несомненное зло, но позволяет избежать еще большего зла и его последствий. От воина требуется нравственное напряжение, героизм, самопожертвование, сила характера. Осознание необходимости боевых действий формирует новый стержень в участнике: обретение товарищества, взаимопомощь и само важное – высшую цель служения. Требования высокой добродетели вступают в противоречие с идеей человекоубийства. Духовный компромисс позволяет разрешить этот вопрос: приятие личной несправедливости в борьбе со злодейством. Чувство вины, естественно возникающее, компенсируется выполненным долгом перед народом, историей, верой. Раздвоение личности между требованиями присяги, гражданственности и собственными представлениями о неприятии убийства повышает накал моральной жизни, не позволяет опуститься до примитивности в понимании возникшего конфликта.

Борьба со злом таит внутреннюю опасность. Следствием войны становится падение народной нравственности. Человеческая жизнь обесценивается, вседозволенность надолго закрепляется в массовом сознании, спорные ситуации решаются в конфликтной форме, сдерживаемость нравственных запретов рушится. Разделение на мир и войну не воспринимается больше в обычных моральных стандартах. Право на убийство, хитрость во имя достижения цели, безразличие к переживаниям другого на долгие годы становятся обычными нормами жизни. Зло уравнивается с обыденностью, не производит должного впечатления, не шокирует окружающих. Общество всегда переживает в такие времена кризисные явления. Необходимо время, чтобы прежние ценности утвердились, а вновь возникшие заняли исключительное место. Вера, церковь должны помочь человеку обрести равновесие, переосмыслить прошедшее, попытаться дать новое толкование его поступкам. Начав борьбу со злом во имя правды и справедливости, можно постепенно опуститься до нравственного тщеславия и высокомерия (в христианстве подобное получило название фарисейства). Уверенность в собственном праве судить, вторгаться в чужое личностное пространство отнимает у человека чувство собственного несовершенства, потенциальной неправоты, необходимости пристально следить за генезисом морального развития. Сомнения рассеиваются, оставляя жесткий ригоризм, проникнутый духом всеоправданности, опирающейся на благие начинания. Первоначальные цели забываются, остается формальный пафос, требующий усилий, энергии, расходуемых впустую. Общественная система вынуждена за-

носить эти положения в массовую идеологию, моделировать образ врага, чтобы доказать право на насилие. Ильин подчеркивает недопустимость данной направленности: идея постоянной борьбы создает предпосылки псевдомира, где фундаментальные человеческие сущности подменяются искусственными, политически ангажированными.

Духовный опыт занимает особое место в творчестве И.А. Ильина. Он не ассоциируется с прагматическими целями, но диктует четкую поведенческую схему, где житейское сливается с вечным. Острое чувство жизни позволяет делать правильный выбор, пытаясь соединить частную ситуацию с целостной картиной мира. Достоинство духовного опыта заключается в том, что оформляются ценности, важность которых непрекаема для дальнейшего развития. Религиозное чувство, выступая в качестве путеводной звезды, не позволяет подменить совесть логической конструкцией, искренность равнодушием. Источником, точкой отсчета является любовь, способность к ней. Распространение вири становится показателем достигнутого уровня. Через любовь осуществляется преодоление себя, как эгоцентрического существа, несовершенство окружающих и окружающего. «Любовь есть доброта» [1, с. 155]. Столкновение с чужой недобротой ставит вопрос о своей собственной, о сделанном и несделанном, внимании и равнодушии к другому. Духовные переживания, вызванные личными и социальными обстоятельствами, заставляют задуматься, беспристрастно оценить себя и поступки, активизируют волю. Ощущение собственной неправоты двояко: с одной стороны, оно примиряет с несовершенством, с другой – определяет недостатки, преодоление которых становится актуальной задачей развития. Ильин связывает этот процесс напрямую с религиозной верой: перед лицом Бога человек не способен к обману, он пользуется иными критериями осуществления себя как личности. Рефлексия – рассудочна, совесть, как «источник справедливости, чувства ответственности», не допускает отклонений.

Духовные переживания возможны только в рамках свободы. Внутренняя свобода выстраивает мотивы поведения, которое реализуется во внешней свободе. Не запреты, не угрозы социального порядка формируют конфликт со злом, а невозможность жить по правилам духа. Любое посягательство на свободу личности приводит к ее стагнации, духовной болезни и даже смерти (не физической). Безразличие, конформизм, принятие враждебного становятся следствием этих ограничений. Диктат не может воспитать в гражданине сострадание, милосердие, патриотизм. Его усилия пропорциональны отторжению, как навязыванию формального, не задевающего внутренних основ. Границы, выставляемые духовной жизни человека, не позволяют двигаться, размышлять, оценивать. (Атеизм как форма государственной идеологии, пролетарская мораль как единственная и бесспорная). Вариативность путей восприятия действительности, самостоятельный поиск истины,

раскрепощенность, неприятие догматизма концентрируют духовные силы, закаляют и позволяют укрепиться в собственных представлениях о наиболее сложных проблемах бытия. «Пусть люди жадны, жестки, грешны, но Господь повелевает «солнцу» светить для праведных и для грешных» [1, с. 198]. Все выстраданное обладает высокой ценностью. Ошибки, заблуждения, промахи естественны, без них невозможно определиться в самом главном. Они часть свободы, играющие роль балансира помыслов и действий.

Гражданский патриотизм оформляет духовный уклад народа. Служение всем – обществу, государству, церкви, миру выстраивает особое отношение к себе. Победа над сиюминутным, личным позволяет увидеть историческую перспективу, стать частью целого, где собственная сущность начинает пополняться национальным. Для Ильина гордость, преданность идее, самопожертвование за других – не пустой звук. Проникаясь интересами сообщества, понимая его ценность, человек возвышает себя, настраивается на определенный ход развития, разбирается с целями и средствами. Для него открываются иные горизонты – органического соединения с народом. Нити, пронизывающие национальную структуру, скрепляются общей нравственностью, где четко расставлены приоритеты. Обезличивание снимает не только внутреннюю специфику, но, унифицируя, навязывает чужую. В ходе Гражданской войны в первые годы Советской власти патриотизм объявляется пережитком прошлого, ему придается буржуазный, монархический, враждебный характер, он представляет реальную опасность для коммунистического режима. Патриота труднее обмануть, сподвигнуть на недостойное, навязать враждебную для его народа идеологию.

Патриотически настроенный гражданин готов к борьбе, у него есть опора, исторические примеры служения, несговорчивость с властью. Не прибегая к активному сопротивлению, он способен к моральной автономии, разрушающей фундамент тоталитарной идеологии. «Стоит отдать жизнь за Родину, веру, свободу, но не за личные удовольствия» [1, с. 178]. Признание необходимости единения с другими на духовной основе объединяет эти два начала в единое целое, взаимозависимость которых подтверждается многолетней историей. Ильин выделяет момент, что достижения духовные есть одновременно и достояния человеческие. Патриотизм отмежеван от национализма, в нем нет изначального этнического превосходства, пренебрежения, вражды к другим. Любовь к Родине – это любовь к Богу, национальному гению, культуре, традициям, сформировавшим данный народ. Через единение проявляется духовный коллективизм, воспитывающий в человеке взаимопомощь, милосердие, сострадание.

У Ильина вся система моральных принципов строится на религиозном основании. Мирское расплывчато, изменчиво, имеет многомерный вектор воздействия, следовательно, человек в сложной ситуации может потерять

всякий четкий ориентир поступков. Вера позволяет найти ясные указатели образа жизни, которые в дальнейшем всю ответственность за происшедшее возлагают на личность, ей предстоит бороться с собой, внешними соблазнами и искушениями, тиранией политической идеологии, преодолевать слабость и малодушие. «Утратив подлинную правду в себе самих, люди оказываются бессильными создать ее и в общении» [5, с. 318]. Утилитаризм, прагматизм действуют на безличном уровне, умело конструируют социально приемлемые модели поведения, но живое чувство, «веление сердца» не затрагивается, отсюда неспособность возвысить человека, приподнять над суетным, животным. Сфера сверхъестественного – единственная, где сущность подвергается качественной обработке, получает и стимулы развития, и более сложные задачи реализации. Индивид уходит из религиозного поля, используя рационалистические построения относительности всего: морали, патриотизма, справедливости или по безудержному своеволию, когда не может справиться с хаосом страстей, деланий, самопроявлений. И тот, и другой пути смыкаются в одной точке аморализма, независимо от обоснования. Снимая барьеры, поддаваясь чувству мнимой свободы, человек теряет контроль над внутренним содержанием поступков, а логика складывающихся обстоятельств определяет ход негативных действий.

Начиная с 1948 по 1954 гг., то есть до самой смерти, Ильин публикует в эмигрантской прессе статьи, посвященные актуальным политическим проблемам. Он пытается осмыслить случившееся в России, понять причины крушения великой страны, рассеяние веры у русского народа. Его интерес носит практический характер: вслед за упадком должен наступить период возрождения и еще не добившись победы политической нужно думать о победе духовной. Ключевыми темами становятся: свобода, демократия, независимость. Только реализовав эти положения, можно добиться надежды на духовное возрождение общества. «Право на правду» определяет справедливость в отношениях между людьми.

В 1947 г. появилась статья «О моральном обновлении человечества». В ней Ильин возвращается к теме деморализации, охватившей мир. Западный мир утверждает внехристианскую доктрину, которая ассоциируется у автора с упрощением и примитивностью. Человеку предлагается схема социальной реализации с отштампованным набором добродетелей. Профессиональный морализм беспочвенен. Он отрывает у каждого возможность сделать свой выбор, преодолеть свои преграды, выстрадать свою позицию относительно вечных вопросов. «Понять, что человечеству всегда необходимо бороться с этой деморализацией, и в наше время в особенности, ибо эпоха повторных войн и длительных переворотов, по-видимому, еще не изжита, а к чему способны деморализованные народы, отвыкшие от честного труда и волевой

дисциплины, мы видим ныне воочию» [4, с. 222], – осмысливает опыт истории философ И.А. Ильин и тем самым предостерегает будущие поколения.

Библиографический список

1. Ильин И.А. Путь к очевидности / И.А. Ильин. — М.: Республика, 1993. — 430 с.
2. Ильин И.А. Аксиомы религиозного опыта / И.А. Ильин. — М.: Парог, 1993. — 448 с.
3. Толстой Л.Н. Собрание сочинений / Л.Н. Толстой. — М.: Худож. лит., 1965. — Т. 17. — 330 с.
4. Ильин И.А. Наши задачи / И.А. Ильин. — М.: Парог, 1992. — 271 с.

Поступила в редакцию 20.1.2006 г.